

ЗАСЛОН

Литрес

Кристиан Бэз
СПАСАЙ, ПЕТРОВИЧ!

Кристиан Бэд Спасай, Петрович!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69277897

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказывают, что есть на дальней станции техобслуживания мастер золотые руки по фамилии Петрович. А ведь на самом деле он штурман. Только летал в своей жизни один-единственный раз, потому что привёл тот полёт к межгалактическому скандалу...

Кристиан Бэд

Спасай, Петрович!

*Оказывается, все космонавты дают расписку
хранить в тайне, что Земля плоская и не вертится.*

Современный анекдот

Вот ты говоришь – прогресс, технологическая сингулярность? В другие Галактики летаем, разумные машины строим?

А я тебе скажу, что нет инструмента точнее человеческих рук. Ведь, если на чистоту разобраться, разве понимаем мы, как действуют те же «космические зеркала»? А починить их сумели.

Когда, говоришь «зеркала» чинили? А ты про Петровича слыхал? Есть такой локальщик на трассе Марс-Юпитер. Слыхал, говоришь? Петровича всякий знает, кто дальше Луны летал. Бывало дюзы забьёшь или, того хуже – разбалансировка маршевых. Или на два месяца на ремонт вставай, или к Петровичу чалься.

Петрович – тут шильцем почистит, здесь настройки покрутит... Одно слово – не руки – иридиевый стопинтегратор.

А вот летать – не летает Петрович, не разрешают ему. Сидит на базе безвылазно. Самогонные аппараты какие делает – химпритосы из Крабовидной туманности опыт перенимать прилетали.

Да, да. Та самая история с перестрелкой и косбезопасностью с фазерами наизготовку. И ведь досталось-то потом всем подряд. Но какое предприятие погорело по снабжению самогоном колец Малого Пина! Самогон – «Слеза кометы», лучшие технологии Земли!

Ладно, чего там перебирать, дело-то прошлое.

Когда «зеркала» чинили? Сороковник минусуй от сегодняшнего. Единственный раз повезло тогда Петровичу сесть за штурвал настоящего дальнего корабля. За эту историю и списали его потом с лунной разгрузки. На локальную станцию техобслуживания посадили. На прикол. Навечно. Хотя он и там особенно не скучает.

Рассказать? Ну, наливай, что ли, хоть чаю. Печеньки есть?

Издалека начну, ты уж не обессудь. От телескопа имени Кеплера. Там-то всё и закрутилось.

Я этот телескоп монтировал на окологлупной орбите. Не веришь? Ну да, да, пишут, что мы, люди, тогда едва пешком на Марс летали. Но на самом деле летали и на Юпитер. Медленно только выходило.

Я сорок лет назад уже монтажником был, хоть и на практике. Ты не перебивай, не вру. Как раз в пультовой дежурил – подай-принеси.

Запустили мы телескоп в тестовом режиме, настроили центральный пульт. Старшой включил его тихонько, без помпы (с помпой-то – только через неделю намечалось), и

вся дежурная смена нашего АО «Заслон» на обед пошла. Ну, кроме меня, стажера. Наказали мне осуществлять общее наблюдение и посторонних в пультовую ни в коем случае не пускать.

Остался я один на весь огромный круглый зал, хоть танцев. По центру – сорокаметровый кристаллический шар из монотрубок для приёма сигналов телескопа, вокруг него – бублик пульта. Стены зала прозрачные, и видно, что в холлах, на подступах к пультовой, ещё висят неопрятные «сопли» силовых кабелей. Но это ненадолго, к официальному запуску всё тут будет блестеть и лосниться.

Посидел я на заглавном «командном месте», посмотрел первые «исторические» кадры с нашего телескопа... Ничего в них особенного не нашёл. Вроде бы очередной технологический прорыв: гравитационно-магнитный... Зрелищности, однако, никакой – картинку постоянно накрывают кривые, цифры лезут. Ну, думаю, пусть ученые банкуют, у них в холле гостиницы нашего модуля – тоже трансляция идёт. А мне бы неплохо селфи, что ли, устроить, вдруг больше и не будет такой занятой возможности?

Достал я видеокристалл, запустил его в полёт и давай снимать себя с разных ракурсов – за пультом, на фоне шарокристалла, стоя, сидя... Только хотел отсмотреть, что вышло, глядь – ученые в коридоре кишмя кишат! Мембрану дверную облепили, стучат в неё, по кнопкам колотят!

Шлюз посопротивлялся минут пять, но, видно был у ко-

го-то соответствующий допуск. Закрутилась воронка по центру мембраны и расширяться начала!

Я парень видный был. Встал возле шлюза, руки растопырил. Научники, конечно, двинули в прорыв: галдят, к совети моей взывают. А откуда у человека в рабочее время совесть?

Почему я автоматику не включил?

Автоматику они завсегда могли обмануть, там же что не лысина – то профессор. Именно, что лысина! А ведь даже в те годы избавиться от плеша или плохого зрения можно было, просто вызвав врача на дом. Но научнику настоящему ничего не жаль, даже собственного здоровья.

И вот, значит, орут они на меня, машут голопроекторами, рвутся в настроенный зал. Хотят телескопу чего-то там подкрутить.

Я – намертво встал. Нет, мол, и нет. И грудь выпятил под красным форменным комбинезоном:

– Не откалибровано! – кричу. – Начальник смены пускать не велел!

Они жестикулируют, лопочут мне чего-то про зеркала, пластины...

Я им, как положено, объясняю, что зеркала – это у них на Земле, а у нас телескоп – магнитно-линзовый. Линза из алмазной пыли и два магнита.

Они, вроде, начали слушать. Притихли. Я расслабился, руками развожу. И тут на меня сбоку выходят сразу два еца!

Ну, серийца, значит. Ец – по-ихнему – гражданин или вроде того. Это сейчас они на англо-русском стрекочут, а тогда и по-своему много говорили. И вот эти глаза их козявочные открываются прямо на меня. А в глазах – красное пятно растёт – мой комбинезон.

Я струсил, но держусь. Мне же старший смены потом такое внушение сделает – уши сами оторвутся. А глаза эти пузырьчатые – лезут, слоятся, выпяливаются... Аж мороз пробивает сквозь магнитные ботинки до самой палубы!

Не знаю, чем бы всё кончилось, но тут прораб Бортников подошёл, профессор физмонтажа. Он из нашей бригады, но тоже как бы научник.

– Пусти их, – говорит. – У них там такое....

Почесал небритую щёку и в пол:

– Может, научное открытие, а может – вообще крадец.

Я отошёл, конечно, раз Бортников разрешил. Но газеты размножили, что встал я тогда на пути у всей мировой науки и не допускал человечество до сенсации. Только меня уже в сером комбинезоне снимали, в монтажном, с респиратором от мелкодисперсной пыли, и лица моего вообще было не разглядеть. Так я и не прославился.

Из того же репортажа я и узнал, что же там увидели научники на первых опытных снимках нашего телескопа. В пультовой-то я в суете и не понял ничего.

А оказалось – натурально сенсация. Висят посреди космического пространства две пластины, поперечное сечение

– название одно, а по массе – как бы планета средних размеров.

Даже с Земли, было дело, эту аномалию иногда фиксировали. Как планету Нибиру. Не знаешь никакой Нибиру? Да ну и бес с ней.

В общем, выяснилось, что вращаются пластины вокруг некоего условного центра в районе Юпитера. Под одним углом телескоп их просчитал, как массивное тело, под другим – словно и не весят ничего.

Все земные и лунные газеты, конечно, только об этом и передавали. Круглосуточные новости единым кольцом шли: «Зафиксированы два объекта, зафиксированы два объекта...» Новости тогда транслировали сразу на Землю и на все лунные купола. Это теперь у нас отдельные планетарные сети, разрослась Луна. А тогда в один момент – Луна на ушах, Земля на ушах, соттеры звонят, не переставая, ученые бегом бегают от экрана к экрану. Все хотят знать, что это за штука: структурированная тёмная материя, плоские плазменные блины, захваченные микроскопической чёрной дырой, или всё-таки внеземной артефакт?

Ну и полёты тогда, понятное дело, снаряжались только с Луны – и зонды, и разведчики, и транспортники на тот же Марс. Вышло так, что самым подходящим кораблём для экстренного полёта к «зеркалам» оказался межсетевик, что готовили для экспедиции к Ганимеду. Раньше их ботинками называли, за неповоротливость. Но на этом – двигатель был

новейший, по серийской технологии, ком-реактивный. Первенец, можно сказать. Однако экипаж у него пока толком недоформировали, и оборудование не до конца загрузили.

До ком-реактивных летали мы неспешно. Про первые стоп-реакторы читал? Пока допилишь до Юпитера – месяц. А тут – восемь часов разгон, восемь – торможение, трое суток в полёте и главная задача – мимо не проскочить. Ну и пилотов пока – кот наплакал.

Петрович был новоиспечённым штурм-инженером ФСК, этих самых ком-реактивных. И штурман, и бортиженер в одном флаконе, высшая квалификация. Вот только молодой, без практики. Вокруг Земли летал, конечно, а дальний космос – только обещали ему.

Он занимался отладкой ком-двигателей, строящихся по программе Марс-Юпитер, а на Луне ошивался тогда вроде как в отпуске. В общем – судьба.

Неопытный, конечно, но когда опытного подберёшь, если стадо учёных – всеми копытами лунный реголит роет?

Посадили Петровича за баранку, дали ему капитана и пилота, загрузили восемь человек учёных – двое наших, двое – из Американской Австралии, один из Республики Солнечная Вануату, плюс сериец, и пошлёпал он с ними до Юпитера, к самым этим сенсационным «зеркалам».

– Вы не есть понимающий человек, уважительный Донненквайн! – ец Сергей раскрыл глаза, похожие на вылупляющихся личинок и уставился на профессора Икора Донненквайна в упор.

Знаменитый «взгляд серых» ещё леденил кровь в жилах непросвещенных землян, но в научной среде давно привыкли к ецам. Ну, похож инопланетный специалист по астрофизике на утопленника, пролежавшего неделю под корягой? И что? Это не умаляет его научных регалий.

– Не любо, ец Сергей, – поднял густой бас мощный бородатый физик из Сант-Московского университета Добромир Слободовский. – Ой, не любо зыркаете!

Вежливый сериец «зажмурился» от смущения – безвекие зрачки его затянулись серой плёнкой. Он прекрасно знал, что возбуждает в гуманоидах древние страхи, да и взгляд в упор считается на Земле угрозой, но мало что мог поделаться с собственными инстинктами, вынуждавшими его выпучиваться перед речевым контактом. Впрочем, он прекрасно видел и сквозь «закрытые» глаза.

Когда Земля подверглась коллапсу, серийцы сразу пришли на помощь. Они были остатками древнейшей расы, чьи предки потерпели когда-то крушение в Солнечной системе. Серийцы долго скрывались от земных телескопов на об-

ратной стороне Луны, но увидев, что творится на голубой соседке, сняли маскировку и помогли организовать спасательную миссию. Теперь они с удовольствием преподавали в университетах объединённой планеты экзотические чужеземные дисциплины, помогали создавать двигатели по образцу и подобию собственных и наслаждались научным процессом, без которого жизнь у них теряла всякий смысл.

– Старт вот-вот объявят, а вы опять взялись спорить! – укорила коллег красавица Гунилла Кроуз, тоже профессор астрономии, как и Икор Донненквэйн, и тоже из Американской Австралии.

Он прошлась, преувеличено виляя бёдрами в облегчённой гравитации. Казалось, ниже талии у нее под комбинезоном два шарика, и они вот-вот вырвутся и улетят.

Донненквэйн покачал головой – хороша, что тут скажешь. У него давно были планы на коллегу, но та ухитрилась симпатизировать всем помаленьку, и понять, что она ответит на прямое и честное предложение временного союза, было никак невозможно. Вообще-то, Донненквэйн любил чёткие цели и ориентиры, но эти бёдра...

– Я бы посоветовала мужчинам лечь в саркофаги с гелиевыми шариками заранее. Команда сборная, неопытная. Растрясут они ваши седины, – профессор Кроуз вытащила из держателя капсулу с холодным лимонадом и прикусила пупырчатый розовый «сосок».

Сделав несколько больших глотков, она просто отбросила

упаковку. Даже в неполной невесомости пустые банки из-под напитков легко примагничивались к мусоросборнику.

– Ну, какие же седины, Гунилла? – Донненквэйн нервно пригладил реденькие беличьи волосики, вполне себе русые. – Да и перегрузки в условиях околотунного старта – сплошная формальность. Мы могли бы даже выпить кофе. У меня есть мельдоньки!

– Соблазнительно, – сказала Гунилла Кроуз, – Но я – в саркофаг!

Профессор Донненквэйн и легат астрономии Всей Сибири Степан Дымов проводили ее весьма пристальными взглядами. Дымов вряд ли хотел предложить Гунилле серьёзный союз, но имел накачанное тело и ухоженные усики.

– Женщина на лодье – ко язве! – попытался пошутить Добромир Слободовский, уже наблюдавший все эти косые взгляды, покусывание усов и совсем не научные споры в холле лунной гостиницы, где проживала группа до старта.

Только резидент из Солнечной Вануату Гук Баблгум тихо бубнил что-то в центре кают-компания у большого проктора, создававшего вокруг себя объёмное изображение артефакта. В его восприятии слишком бледная женщина сливалась с белыми стенами каюты. Настоящая подруга, считал он, должна быть мощной синекожей бабицей. И это была его мечта. Подняться в научной карьере, стать известным и взять самую крепкую. Раз в пять толще его самого. Из хорошей семьи. Хотя бы из Чипсов.

– Может, всё-таки кофе? – предложил Донненквейн.

– Я бы вам есть быть сказал бы, – возмутился сериец. – Мы пошли в полёт, чтобы изучать феномен! Какой кофе, тьфу, уважительный профессор!

Смешливый Дымов фыркнул, но шагнул к голоприёмнику, едва не наступив на Баблгума с блокнотом.

– Ну и как у вас с гипотезами, коллега? – спросил он уроженца Солнечной Вануату.

– Сто сорок три! – похвастался Баблгум.

– А дельных? – срезал Дымов и расхохотался.

Баблгум помрачнел, парируя про себя, что у этих англо-русских на уме только женщины и еда, но все открытия почему-то тоже достаются им. А в Тихиде учёные работают не покладая рук, их упорство превозносит весь мир, но где результаты?

Коллапс многое переделил на Земле. Она почти лишилась обеих Америк и части Европы. А острова в Тихом океане стали новым материком – Тихидой.

Но именно коллапс дал толчок космической науке. Человечеству больше не хотелось погибать в неведении. Да и технические изыскания серийцев поддали прогрессу пинка: возникли первые колонии на Луне и Марсе, а потом дело дошло и до полётов к спутникам газовых гигантов Юпитера и Сатурна.

– Опа! – сказал чуткий Дымов.

И тут же корабль дёрнулся, а из динамиков раздался юный

голос второго пилота:

– Уважаемые пассажиры, напоминаю, готовность – десять минут. Всем занять положенные для старта места!

Донненквэйн пожал плечами и двинулся в разгрузочную саркофагами, Дымов демонстративно уселся в кресло, пристегнувшись силиконовыми ремнями, а Гук Баблгум вставил в уши затычки, устроился на полу у проектора в позе лотоса и выпал в личный научный мир, параллельный реальному.

Ец тоже пристегнулся в кресле, затянул глаза плёнкой и приготовился вздремнуть. Перегрузки были ему привычны, он мог вынести раз в десять больше, чем подготовленный человек, а окуклившись – и в пятьдесят.

Добромир Слободовский вздохнул, покопался в бороде и ушёл следом за Донненквэйном. Он считал, что здоровье всё-таки не резиновое, не все же прошли лётную подготовку, как Дымов. Да и, в конце концов, старт и разгон – всего лишь восемь часов, как раз рекомендованное время для сна.

Неясно, на что рассчитывал Баблгум, поскольку система предстартового оповещения тут же наябедничала второму пилоту, что минимальный набор условий пассажирами не выполнен: хотя бы пристегнуться в кресле они были обязаны.

Второй пилот Унур Мамаутов был молодой стеснительный парень, тоже совсем без опыта (с опытом кораблю достался только первый пилот, он же капитан корабля, Георгий Ре, китаец сибирского происхождения). Унур обратился

к Гуку Баблгуму по связи, но профессор заткнул уши на совесть и, разумеется, ничего не слышал.

Да, тихидца инструктировали перед полётом, но думал он тогда о соотношении диаметра зеркал к наклону орбиты, и потому безо всякой задней мысли продолжал сейчас изучать голопроекцию артефакта, вызывая на голограмме различные измерения, строя условные и только ему понятные чертежи.

Унуру нужно было как-то достучаться до учёного, но по инструкции он не имел права вставать. Обратиться к капитану, углубленному в предстартовую проверку приборов, он тоже постеснялся и повернулся к скучающему штурману.

Тот был невысокого роста, богатырского телосложения, с лицом героя из старинных фильмов про покорение Луны.

– Спасай, Петрович! – прошептал Унур и ткнул пальцем в экран, где транслировалось изображение из кают-компанияи.

Ровно две секунды размышлял Петрович, а потом щёлкнул аварийным тумблером и врубил вибросирену.

Беззвучная сирена сообщила полу и стенам кают-компанияи весьма приличную амплитуду колебаний, всё затряслось, кроме, пожалуй, подвешенного на гравимодуле проектора.

Амортизационные кресла вполне оберегли Дымова и еца, но маленького Баблгума подкинуло и закрутило волчком. А когда он, ошарашенный, вылушил кое-как затычки из ушей, Петрович выключил сирену и, исходя вежливостью, громко сообщил, разбудив еца:

– Уважаемый профессор, который только что, как юла, крутился! Займите посадочное кресло!

Вот так и родилась эта фраза «Спасай, Петрович!». Это уже потом журналисты придумали, что и на пленённом зеркалами корабле полураздавленный шлюзом капитан зашептал в шлемофон: «Спасай, Петрович!»

Но я-то точно знаю, что капитан был в коме, и шептать он никак не мог. Хотя слушай всё по порядку.

Баблгум получил временную прививку реальности и кое-как досидел, привязанный, до конца разгона. Скандал он устроил гораздо позже. Ведь, когда в кают-компании появились посвежевшая Гунилла и озабоченный думами Донненквэйн с весёлым Дымовым, маленький профессор мертвецки спал, измученный бездельем хуже, чем перегрузками. Он не мыслил себя без работы, но и без голопроектора был как без рук. Потому за восемь часов почти свёл себя с ума муками вынужденного безделья.

После разгона экипаж корабля, кроме дежурного пилота, вполне мог бы объявиться в кают-компании, но Петрович

своим решением превратить Баблгума в юлу создал некую дистанцию между теми, кто едет, и теми, кто везёт. Командир отправился спать, второй пилот остался у пульта, а Петрович, которому тоже положено было по графику отдыхать, закопался в спецификациях корабля, тренируя мозги на случай ЧП. Ну и звук включил из кают-компания, чтобы не особенно скучать.

Профессора как раз начали очередной спор о назначении и предполагаемом устройстве артефакта, быстро переросший в очередную перепалку. Особенно страдал сериец. Его мышление отличалось от земного более чёткими структурными связями, а ещё он постоянно пылил по пустякам, не понимая, что предмет спора потерян не более чем за разными терминами.

Гунилла скоро устала, вооружилась мини-проектором и стала рисовать розовых пони, запуская их гулять по каюте. Пони получались страшненькие, но Дымов и Донненквэйн весьма хвалили профессора Кроуз и слегка выпали по этой причине из научной дискуссии, а сериец и Добромир Слободовский зацепились языками так, что икалось всему Санкт-Московскому университету.

– Это же невозможная ваша школа, уважительный профессор! Это же есть солипсизм голой воды! Берём что угодно – делаем что угодно! Вы не есть научно обоснованный! Настоящий научный! Без... лошадок!

Розовая пони как раз проскочила в это время между

серийцем и Донненквайном, вызвав у Дымова клоунскую улыбку от уха до уха.

Добромир надулся, разбух и начал заикаться басом. У Слободовского, и многие это признавали, имелось некое особое научное «чутьё», само наличие которого сериец считал антинаучным.

– А что вам не нравится в гипотезе, что н-наши параллельные артефакты – п-просто примитивные ворота в другую галактику, государь мой? Истинно же говорю – лишь гипотеза, не более т-того! Чаю, она вам не к сердцу?

– Нет! Да! Нет! – нервничал сериец. – Откуда ворота могут быть на орбите, уважаемый? На орбите могут быть искусственные или естественные тела! – садясь на любимого конька он почти терял акцент.

– Так почему искусственному телу не быть одновременно воротами? – подлил масла в огонь Дымов, видя, что сериец снова запутался в категориях англо-русского и сам себе противоречит.

– Потому что тело – это научно! А дверь никто на орбиту не повесит! – распалялся сериец! – Двери есть делают в домах! В домах, уважаемые! До-ма-х!

– А вы, профессор, представьте мышь? – предложил Донненквайн. – Вот бежит она... и вдруг – ловушка! Невидимая. Допустим... гм... стеклянная банка...

– Кто есть мышь? – сердито пискнул сериец.

– Маленькое серенькое животное без разума, – подсказал

ехидный Дымов, отгоняя снова встрявшую между профессорами розовую пони.

– Мышь! Именно! Мышь! Она б-бежит в леторослях и не видит споны! – подхватил Слободовский, продолжая заикаться. – П-потом вдруг взлетает на воздух! Мышь может не верить в банку! Но сущность же такова, п-понимаете?

Нервничая, Слободовский крепко вцепился в бороду.

– Ни одним глазом! – соврал сериец.

– Вера в отсутствие б-банки – б-бесмысленна! Банка всё равно существует!

– Мышь не верит в банки, но это не мешает нам поймать её. Так же и с дверями. То, чего мы не знаем – не есть ненаучно... – пояснил Донненквейн. – Мы просто ещё не знаем, что в космосе могут существовать двери. Для мыши – пустота и полёт. Для нас – парные артефакты. А для кого-то – дверь. По аналогии с мышью? Ясно вам? Нам даже в голову не придёт такой ракурс, а он – есть.

– Не понимаю! – сериец подскочил и зарысил по кают-компанин, разгоняя пони. – Не по-ни-ма-ю! Дверь – это один артефакт и одна дырка! А у нас есть два артефакт! Одинаковый!

– Это нам кажется, что одинаковый, – фыркнул Дымов.

– Нет, нет и нет!

– Хорошо, – вздохнул Донненквейн. – Обратимся к более научной гипотезе плазменных шаров, захваченных притяжением Юпитера. Как тогда объяснить их видимую и расчёт-

ную симметричность? И орбита? Вокруг чего они вращаются?

Вот так Петрович в свободное от дежурства время от скуки слушал разговоры в кают-компании и с мысленно разбирал и собирал ком-реактивный двигатель. Просто так, для разминки. Иногда, кстати, Слободовский уставал спорить и неплохо пел басом под электромуз.

За спорами допилили до Юпитера. Впрочем, трёх суток Гунилле как раз хватило, чтобы раздать авансы обоим соискателям, и Дымов с Донненквайном с каждым днём всё больше напоминали кобелей на выгуле. Между ними читалось настолько явное напряжение, что исключительно научный этикет, словно шлейкой, удерживал их от драки. Впрочем, возможно Донненквайн, имевший вид классического кабинетного учёного, просто слегка побаивался накачанного всесибирца.

Перед торможением Петрович лично явился в кают-компанию и предупредил Баблгума, что хотя бы в амортизационное кресло ему придётся сесть. Таким образом, штурман нажил себе сразу восемь остепенённых врагов, ведь перед лицом внешней угрозы вся профессура как один встала на сторону рассеянного тихидца.

Торможение, однако, прошло в штатном режиме. Капитан

уверенно положил корабль на рассчитанную орбиту, и межсетевик, похожий на бумеранг с двумя округлыми двигателями на концах, поплыл в пространстве вокруг аномалии, что пока читалось на экранах пультовой лишь как слабая помеха датчиков гравитации. Расстояние между зеркалами было в пределах погрешности, не более десятка километров.

На корабле забурилась жизнь. Нужно было развернуть аппаратуру наблюдения – модули слежения, приборы для улавливания излучений и магнитные «бублики» для создания искусственной гравитации, запустить на орбиту небольшой телескоп с гравитационными линзами – драгоценное наследие серийцев, ещё не воспроизведённое землянами.

Споры и ухаживания были временно забыты. Тонкая настройка требует цифр и цифр. Работы и ещё раз работы. Утомительной, аккуратной, точной.

Гунилла то и дело смахивала с лица прилипающие локоны, Слободовский потел и вытирал лоб мокрым платком, Дымов тихо ругался, раздражаясь, когда что-то не выходило с первого раза, и подсовывал недоделанное неутомимому Донненквайну. Устал даже семижильный Баблгум, только сериец чувствовал себя, наконец-то, в своей тарелке.

К концу вторых суток этого сумасшедшего режима корабль, двигавшийся вокруг аномалии по эллиптической орбите, вошёл в ракурс, с которого зеркала было видно невооружённым глазом. Собственного свечения они не имели, но отражали ледяной блеск галилеевых спутников Юпитера.

Кают-компания приняла трансляцию с телескопа на стены, превратившись в огромную обзорную площадку, и обесиленные профессора решили устроить пассивное наблюдение за объектом, плавно переходящее в отдых.

Зеркала слегка мерцали, и мерцание это, как полагал сериец, было вызвано возмущениями магнитных полей Юпитера. Так или иначе, но зрелище двух бледных полумесяцев, по мнению профессуры, имело высокое эстетическое и научное значение.

Корабль медленно продолжал движение вокруг артефакта, состоящего из двух параллельных друг другу условных эллиптических фигур, профессора пили кофе, чай и слегка коньяк, когда замечательный серийский, модифицированный людьми, двигатель вдруг выдал несвойственную ему судорогу, а потом банки с напитками полетели в одну сторону, а профессура в другую.

Корабль развернуло, закрутило, не хуже Баблгума и...

От удара в пассажирских и грузовых помещениях корабля погас свет. Завыла сирена, сигнализируя, что под угрозой герметичность одного из шлюзов.

Петрович как раз шёл к пульту, чтобы сменить с дежурства второго пилота Унура Мамаутова. Его как следует припечатало физиономией о переборку, лишило связи и

макнуло в темноту.

Очнувшись, штурман первым делом выругался, не без этого. Он стряхнул с лица кровь, набежавшую из разбитого носа, подумал пару секунд, потом, ориентируясь по свечению направляющих на стенах коридора, отыскал аварийный контейнер, вытащил и надел комбинезон средней защиты, снабжённый шлемом, включил нагрудный фонарь и проплыл, вызывая капитана, в рубку.

Шлем комбинезона удачно приглушил надоедливую сирену. Других плюсов он не принёс – шлемофон тоже не поддерживал связь. Петрович пережил несколько неприятных минут тишины и безвестности. Однако вскоре сердце его успокоилось – аварийный генератор поддерживал питание основных узлов корабля, и в пультовой, она же рубка, всё оказалось в порядке. Там же сидели слегка ошарашенный капитан с довольно бледным пилотом. Приборы показывали полное отсутствие случайных помех, тем не менее, корабль сильно дёрнуло, словно кто-то попытался порвать его пополам.

– И что это было? – весело спросил Петрович, опуская шлем, как гармошку, и тут же поморщился: аварийная сирена надсадным воем напомнила ему, что основные неприятности только начинаются.

Георгий молча показал большим пальцем вниз. Это означало, что без чертовщины или очередной аномалии не обошлось, и лучше это не озвучивать. Космолётчики – люди неверующие, но суеверные.

Унур тщательно проверял показания приборов, которые научники успели вывести на самостоятельные орбиты. Возможно, аппаратура зафиксировала гамма-всплеск, или корабль натолкнулся на небольшой астероид?

Петрович помассировал ухо и объявил:

– Разрешите обследовать шлюзовую камеру?

Капитан посмотрел на Петровича пристально и неприятно: мол, лёгкой работы ждёшь?

– Шлюз посмотрю я сам, – сказал он мрачно. – Никакой особенной проблемы там возникнуть не может. Думаю – электроника дурит. Но даже если найдутся микроповреждения, можно его временно заблокировать. Шлюзы парные и полностью дублируют друг друга. Унур займётся восстановлением связи. А ты, голубь... – Георгий Ре хмыкнул. – Миротворцем будешь работать. Пойдёшь успокаивать пассажиров. Они там уже, поди, голосовые связки сорвали в темноте.

С капитаном не спорят. Петрович лишь воздел очи горе. Капитан фыркнул и смилостивился:

– Потом освещением займись! Но сначала – пассажиры!

Петрович развернулся и поплыл по коридору туда, откуда пришёл. По дороге его осенило зарулить на склад и взять две стационарных гарнитуры связи на атомных батарейках – одну он закрепил на себе, другую запланировал дать пассажирам, чтобы обеспечить хотя бы временную бинарную связь тет-а-тет.

В этот же момент смолкла сирена, и он понял, что капитан

добрался до шлюза.

Далее штурман различил низкое утробное урчание всего корабельного нутра и инстинктивно вцепился в скобы, расположенные параллельно по обеим сторонам коридора. (Они помогали экипажу перемещаться в невесомости).

Петрович едва успел растопыриться как следует, и тут же его встряхнуло изнутри наружу так, что мозг едва не выскочил через нос. А потом последовал удар, и началась перегрузка: корабль стал стремительно набирать скорость. Петрович, изловчившись, пристегнул себя к скобам. И тут же третий удар всё в тот же многострадальный левый бок корабля, лишил штурмана сознания.

Когда Петрович очнулся (второй раз за этот час!), невесомость уже вернулась, а в темноте, там, где кончался свет его нагрудного фонаря, всё также бежали бледные стрелки направляющих, и в наушниках всё также царила тяжёлая давящая тишина.

Штурман выждал немного, отстегнулся и поплыл в кают-компанию. Ему очень хотелось вернуться в пульттовую, выяснить, что с капитаном и вторым пилотом, но Георгий приказал спасать людей, а приказы положено выполнять.

Петрович преодолел два страховочных шлюза, добрался до входа в кают-компанию, толкнулся в мягкую мембрану противоперегрузочного клапана и просочился внутрь.

Свет слегка присутствовал: мигали красные шарики аварийки, тускло светились «зеркала» – стены кают-компании

продолжали поддерживать проекцию изображения с телескопа.

Призрачные тени людей шевелились на полу у противоперегрузочных кресел, но Петрович смотрел на стереостены и видел там только свой корабль.

Межсетевик висел между «зеркалами», влипнув в одну из бледных линз левым боком и смяв дюзу, а, значит, и левый шлюз, практически в ноль. У корабля было две симметричные дюзы, и он был похож теперь на рыбу-молот, потерявшую один глаз.

Петрович смотрел на изображение изувеченного корабля, бесстрастно транслируемое телескопом, и почти видел погребённого в шлюзовой камере капитана – смятого, изломанного. Сила чувств была так велика, что штурман не мог различить голосов в кают-компании, а там без сомнения говорили, потому что тени двигались на фоне слабо мерцающих стен. Фонарь светился у Петровича на груди, давая пассажирам ориентир и надежду на спасение.

Штурман потряс головой, пытаясь вернуть себе слух. Сглотнул.

– Все живы? – выдохнул он хрипло.

Тишина....

Петрович сдвинул один из наушников. Они всё-таки тоже глушили внешний звук, хоть производитель и утверждал обратное.

– Боже милосердный... – донёсся вдруг стон профессора

Доннеквайна. – Я кажется опять голову раскровил.

Жалобный звук болью отдался в ушах Петровича.

– Вижу вас! – штурман отождествил с голосом одну из фигур. – Аптечка слева, рядом с кулером. Там светится красный крест.

– ...прошу экипаж пристегнуться!.. – ожили динамики голосом Унура Мамаутова.

Он был цел и в сознании. Это было прекрасно.

Петровичу задышалось чуть легче.

– Унур, это я, штурман! Доложи, что с двигателем?

Петрович замер, прислушиваясь: что-то шумело и бухало в наушнике. Он не сразу понял, что это сердце колотится у него в ушах

– Какой бардак! – раздался плачущий голос Дымова. Супермен в нём закончился резко и сразу. – Я требую, чтобы вызвали спасательную команду! Незамедлительно! Срочно! Я буду жаловаться в Научный Совет! В лунное управление! Лично коменданту луны Чалову!

– Без паники! – рявкнула Гунилла.

И тут же узнала, что она ему не союзница, чтобы указывать. Что от баб на корабле – все проблемы, и зря он, Дымов, полетел в экспедицию с бабой, ведь можно было сразу предположить результат!

Где-то рядом застонал, кажется, Слободовский.

– Тряпка! – крикнула Дымову Гунилла. – Ищите Добромира! Мы должны убедиться, что все живы. Профессор Сло-

бодовский, подайте голос?!

– Я не обязан быть ему нянькой! – взвыл Дымов.

– Левая дюза выдаёт ошибку 134, – доложил Унур в ухо Петровичу.

– Я её вижу, она всмятку, – сухо констатировал штурман, сам удивляясь своему показному спокойствию. – А правая?

– Правая – в норме.

– Есть связь с «Альфой-4»?

Унур замолчал, переключаясь, видимо, на дальнюю фотонную связь.

Солнечный свет идёт до Юпитера сорок три минуты, и столько же нужно ждать его обратно, неважно – простое это фотонное подтверждение или сигнал SOS. А вот подтверждение связи с искусственными спутниками Юпитера можно получить за пару минут.

«Ну чего он копается!»

– Всё ещё «висим», – отозвался, наконец, Унур.

– Ну так займись! – не сдержал раздражения Петрович.

И тут же выругал себя – нашёл время орать.

– Да бросьте вы свои дюзаы! Скажите, как мы будем отсюда выбираться?! – заверещал Дымов.

Раздался удар.

В темноте было не очень хорошо видно, что делала у переборки красноватая от отблесков аварийных ламп фигура легата астрономии Всей Сибири, но, скорее всего, он пытался выйти в открытый космос прямо через стену.

– Вяжите его! – крикнул Петрович. – У кого есть скотч? Унур, выключи аварийку, она только сбивает! Я ничего не вижу!

Красное мигание прекратилось. Петрович отрегулировал свет нагрудного фонаря: Дымов на четвереньках бежал между кресел, спасаясь от понятной только ему угрозы. А под креслами горбились тени – там явно лежал кто-то ещё...

– Коллеги... или кто вы там?! Я буду называть вас по одному! – громко сказал Петрович и, вспомнив, у кого тут должен быть скотч, вытащил из кармана комбинезона монтажный клеящий пистолет. – Откликайтесь! Узнаем, все ли живы! Профессор Кроуз?

– Я цела, – сразу отозвалась Гунилла. – Колено разбила.

– Профессор Донненквайн?

– Здесь я, у крайнего кресла, где аптечка.

Голос был всё ещё слабым. Плохо.

– Целы?

– По большей части – цел. – Стон. – Здесь что-то мокрое, может быть кровь?

– Профессор Слободовский?

Тишина.

– Профессор?

– Это он, – Донненквайн ошупывал что-то на полу. – Слободовский. Я по бороде узнал. У него лицо в крови.

– Проверьте, дышит он?

– А! Тут ещё и труп! – взвизгнул Дымов.

– Прекратите истерику, или я вас высажу! – Петрович угрожающе взмахнул пистолетом.

– Я могу его осциллографом стукнуть, – предложила Гунилла. – Я его вижу.

– Бейте! – разрешил штурман, и в кают-компании стало вдруг по-настоящему тихо.

Профессура переваривала. Насилие над соплеменниками – это был даже не прошлый век, это было дремучее XXI столетие!

– Профессор Баблгум? – воспользовался паузой Петрович. – Баблгум, вы живы?

– Молчит, – пробормотал Донненквайн.

– Ещё один синяк, – всхлипнул Дымов.

– Ец Сергей? Вы целы?

– Его нету нигде, я шарил под его креслом, – отозвался Донненквайн.

– Что делать будем? – спросила Гунилла.

Голос её не дрожал.

«Надолго ли хватит женских нервов, если мужские на исходе?» – подумал Петрович, но промолчал.

Он полагал, что поведение пассажиров могло внести в постигшее корабль бедствие весьма незначительные коррективы. Если удастся восстановить дальнюю связь или допилить до Ганимеда на одном двигателе – их спасут. Если нет – то все они, в общем, то, уже покойники. Разнообразие форм агонии не повлияет на сам процесс. Всё, что может спасти

профессуру – это связь с Луной и исправность двигателей!

– Нужно выходить наружу, смотреть, что с двигателем, – сообщил он своё решение.

И пресёк начавшуюся было полемику:

– Тихо! Я всё посмотрю! Потом устроим совет и будем решать! Я оставлю вам резервную гарнитуру для связи! Со мной лично!

Штурман обвёл глазами бледных призраков, вспоминая, как работает на корабле освещение. Вряд ли удар сильно повредил электросеть. Скорее всего, скачок напряжения вызвал блокировку. Капитану, верно, уже не поможешь... Нужно начать с электричества.

Профессура заволновалась. Гунилла двинулась к Петровичу, растопырив руки, то ли для равновесия, то ли в попытке удержать его.

– Только без паники! Профессор э... Кроуз, держите гарнитуру! Будете обеспечивать связь! – приказал штурман и двинулся к мембране, унося с собой свет.

– А вы не могли бы что-то говорить по дороге? – попросила Гунилла, неуклюже цепляя наушники.

– Что говорить? – удивился Петрович.

– Можно считалочку. Шышли-мышли...

– Ерунда какая!

– Но нам же... – замялась профессор. – Нам же страшно.

Петрович замер. Он только сейчас осознал, что профессорам действительно страшно. Рядом с мёртвыми или умирающими.

рающими, с истеряющим Дымовым...

Ему и самому было не по себе. Но страх штурмана был выхолощен реальностью конкретных поломок, а пассажиры всё ещё боялись чего-то неведомого, малопонятного. И он не мог сказать им сейчас, что утеряна связь с Луной, что капитан погребён в ловушке из покорёженного металла...

– Хорошо! Я... буду, – сдался Петрович. – Буду что-то читать вслух. Только всем оставаться на местах! Гунилла – держите пистолет. Он клеевой. В случае угрозы приклейте Дымова к креслу!

Петрович сосредоточился, вспоминая стихи из школьной программы. В голове была звонкая пустота. Поэты... Ведь есть же какие-то поэты? Пушкин?

– Мой дядя самых честных правил... – начал он, ныряя в мембрану.

Для начала нужно было восстановить освещение. Чисто теоретически с ним всё легко поправимо. Но на практике... На практике один раз в жизни бывает что угодно.

– Когда не в шутку занемог...

Вот и распределительный щит с электронным замком. Пароль? Какой же пароль?

– Он уважать себя заставил...

2345? 8999? Стоп. Тут же был год рождения капитана!

– И лучше... Э-э... выдумать...

Штурман щёлкнул предохранителем – ничего. Потом вспомнил про защиту на высоковольтной подстанции. По-

ломка могла быть и там.

– Его... этот... другим наука. Но боже... Боже... Боже!..

Он закашлялся: горло скребануло гарью. В помещении подстанции стоял едкий дым, скорее всего, сторел изолятор или поплавились провода.

К счастью, лампа резервного питания горела ровным зелёным светом. Слава Богу! Могло быть и хуже.

Точно! Тумблер утоплен, освещение моргнуло... И... загорелось!

Как радуется свет – в это же невозможно поверить!

– Ура! – донеслось из наушника.

Свет профессура оценила.

Теперь нужно было спуститься к шлюзу, и увидеть – что с капитаном.

(Придёт время, и это будет сниться Петровичу, но не сейчас. Сейчас есть сны и пострашнее).

Петрович поднял «гармошку» шлема на случай разгерметизации обшивки у повреждённого шлюза. Миновал мембраны переходных отсеков. Вот и основной шлюз...

Всмятку.

И рука капитана торчит из него.

Петрович покосился на индикатор герметизации – норма, рванул перчатку.

Рука капитана была тёплой...

Разбить предохранитель настенного контейнера с оружием и средствами спасения, заткнуть сработавшую сигнализацию

цию, вытащить плазменный резак – было делом двух секунд.

Он резал металл, закрыв и поляризовав шлем.

Вентиляция костюма не справлялась, было душно и жарко. Штурман задыхался, останавливался, снимал перчатки, щупал мягкую капитанскую руку и снова резал.

– Что вы там делаете? – раздался вдруг в наушниках голос Гуниллы. – У вас всё в порядке? Мы вас долго не слышим!

– Вскрываю шлюз, – коротко буркнул Петрович. – Вы перевязали профессора?

В наушниках вскрик, звук удара.

Потом снова голос Гуниллы:

– Это Дымов! Вот ведь мерзавец!

– Не смей её трогать! Гунилла, девочка моя! – Донненквэйн, похоже, решил побороться сразу и за жизнь, и за сердце профессора Кроуз.

– А-а!!!

Крики смешались. В каюте происходило что-то странное, но это не трогало штурмана. Петрович резал шлюз.

Тело капитана он извлек с частью железной арматуры люка. Пользуясь невесомостью, доволоч до медкамеры, снял предохранитель, втиснул в кокон меддиагноста всё, что было в наличии – и человека, и впечатанные в него ошмётки железа, подключил аппараты систем жизнеобеспечения.

Может быть, Гунилла сможет сделать что-то ещё? Или дополнительное образование медика было как раз у Слободовского? А ведь надо дублировать в экипаже такие важные спе-

циальности! Зачем нужны восемь физиков, если нет ни одного медика?!

– Его пример – другим наука! – рявкнул Петрович в сердцах.

– Что там у вас? – откликнулся Донненквайн.

Видимо, в кают-компании произошло перераспределение ролей.

– Готовлюсь выйти в открытый космос, – сказал Петрович. – Унур, слышишь меня? Проверь ещё раз правый шлюз!

– Вы тогда ещё почитайте Пушкина, – попросила Гунилла немного издалека, но штурман услышал.

– Так я дальше не знаю.

– А вы суфлёр включите, в шлеме предусмотрена библиотека классики! – крикнула профессор.

Петрович вздохнул – везде-то влезли эти бабы, всё-то они знают... Время ли ему сейчас думать о Пушкине, пёс побереи эту поэзию!

– Шлюз исправен, – доложил Унур.

– Понял и принял, – по-уставному отозвался Петрович.

Теперь он сам отдавал себе приказы.

Тяжёлый скафандр для работы в открытом космосе висел на привычном месте, в нише, справа от камеры антибактериальной обработки. Автоматика помогла Петровичу облачиться.

– Вы там целы? – окликнула Гунилла.

Видимо, она снова завладела гарнитурой.

– ...полуживого забавлять, – пробормотал Петрович, вооружаясь на всякий случай дополнительным плазменным резаком.

«Зеркала» сияли в пустоте. Теперь было явственно видно, что обе поверхности – действительно похожи на два зеркала, глядящие друг на друга. В межзеркальном пространстве клубился серый туман. Грани артефактов – терялись в пустоте. Только слева было понятно, где именно кончается зеркальная поверхность. Потому что туда влип корабль.

Его приклеило к условно левому зеркалу, к его верхней левой четверти. Держал межсетевик, конечно, не клей, а, скорее всего, какое-то неизвестное излучение.

Петрович слегка удалился от корабля, используя страховочный шнур, запросил данные с профессорской аппаратуры, свободно и бесстрашно порхающей рядом: может, ему вообще всё мерещится? Но гравинализатор показал, что «зеркала» не эфемерны, и штурман начал рассуждать.

Чтобы попытаться спасти корабль, нужно было освободить его от артефакта. А для этого следовало сначала понять, что за штука «зеркала», для чего они?

Версий было немного. «Плазменный шар» явно летел в мусорную корзину. «Магнитная аномалия» фиксировалась бы даже телескопом. Оставалась «дверь».

Чушь? Возможно. Но если это всё-таки дверь, тогда должен быть и какой-то открывающий механизм?

– Когда же чёрт возьмёт тебя! – выругался Петрович.

Он изучил показания приборов, но это не добавило ему понимания. Тогда штурман прищурил левый глаз и всмотрелся в бледные овалы. Ему померещилось, что пластины зеркал не параллельны. Приборы заявляли обратное, но на глаз... Может, на пару-тройку сантиметров, но...

Критична ли такая погрешность для этаких махин? Если Слободовский прав, и в пустоте висят «двери», то где у них шпингалет? Или балансир? Да и не будет закрываться дверь, если её перекосило...

Штурман привык иметь дело с точной калибровкой. «А если попробовать создать избыточное давление и посмотреть, можно ли подвинуть эту кривую «створку»? – подумал он.

Других вариантов не просматривалось. Корабль висел в пространстве без связи, его пассажиры и капитан – нуждались в квалифицированной медицинской помощи. Был шанс, что помеху в районе «зеркал» заметят с Луны суперновым телескопом, но... сколько ждать помощь? Да и для спасателей риски велики: двигатель – экспериментальный, «зеркала» – чёртова ловушка...

Петрович отцепил от пояса плазменный резак, включил в скафандре компенсатор инерции и навёл резак на условно «криво» висящее зеркало.

Плазма вырвалась сначала толстой колбаской, потом – единым потоком, ударила в стеклистую поверхность, отра-

зились во втором зеркале...

Петрович отплыл назад, чуть изменил угол стрельбы. И ощутил, что струя... словно бы упёрлась во что-то, перестав на миг отражать свет! Её «давление» было практически неуловимым, гравитометр даже не пискнул, но руки...

Петрович сощурился и решил, что зеркало чуть-чуть сместилось, может, на волос, но... Да! Оно изменило угол наклона!

Миллиметр за миллиметром он, то усиливая струю, то уменьшая, начал выравнивать параллельность зеркал. Скоро в дело пошёл второй резак – заряд плазмы не бездонен.

И вдруг что-то засвистело в наушниках. Свист шёл изнутри, из пространства между зеркалами, но Петровичу показалось, сначала, что его вызывает корабль.

– Какое низкое коварство! – воскликнул он и рефлекторно сдал назад, к кораблю.

– Внимание! – прорезался в шлемофоне голос плота. – Меняется радиационный фон вокруг аномалии! Срочно обратно!

Вот ведь некстати... Петрович медленно, с достоинством, вильнул задом, позволил шлюзу захватить себя...

Бросил последний взгляд на зеркала: нет, не параллельны! Нет идеальной параллельности!

Он высвободился, подался вперёд и полоснул последний раз струей.

Раздался хруст, потом – малиновый звон, и зеркала нача-

ли расходиться.

– Ай, да Пушкин! – успел прошептать Петрович.

Корабль рвануло, отклеивая от «зеркала», штурман смачно влетел в его многострадальный левый бок. Тьма приняла его.

– *Ангоиррит прааат??*

– *Буоррртоотт илллогш!*

– *Тоого ларраг!*

– *Ааххд! ЛЛттоого! ББуурроот! Анпрааьююю гаддах!*

Какофония в наушниках. Что это?

– *ББуурроот!*

– *Аппацах пртолл!*

– *Оператоббло!*

Только через год мировой общественности стало ясно, что именно кричали тогда хозяева зеркал.

– Безобразие! – орали они. – Кто разрешил!

– Это – дефектная модель!

– Транзит закрыт!

– Вы совершили несанкционированный проход. Нарушили таможенное соглашение! Назовитесь или корабль будет saniрован!

– Вы нарушили таможенное соглашение!

– Они не понимают!

– Они терпят бедствие!

Корабль спасли две пожарные службы – из Крабовидной туманности и с Альфы Центавра.

Первый контакт человека с дальним инопланетным разумом прошёл в экстренной и недружественной обстановке. В объяснительной Петрович написал, что ругался матом исключительно по причине пробуждения атавистических генов. (Профессура утверждала обратное).

Земле была выставлена нота – галактическое право не знает форс-мажора. Штраф присудили колоссальный. Петровича списали с корабля и перевели в техники. Золотые руки, всё-таки. Ворота-то он действительно починил.

Научники, говоришь, почему не вступились за Петровича? Ну, во-первых, Дымов. Трус оказался и порядочная тварь. Во-вторых, мертвый Баблгум, дипломатический скандал и далее по списку. У конклава России и Англии до сих пор проблемы с Солнечной Вануату. Там весьма ревнивы к

возможным научным достижениям, которые были потеряны в связи со смертью Баблгума.

Сериец? Нет, не погиб – оуклился от страха. Слободовскому пересадили селезёнку и часть мозга. И даже капитана спасли.

А Гунилла заключила потом временный брачный союз с Дымовым. Ну и что, что мерзавец? Красивый он был, нравился ей. Говорят, она в него потом и дома из пистолета стреляла. Из клеящего.

Не веришь? По сети, говоришь, иначе показывали? А вот будешь возле Юпитера – сам поинтересуйся. Забей в навигатор локальную базу М45-99 АО «Заслон». Спросишь там Петровича. [Фелиппе](#) Петровича Ямамото.

И самогона мне привести не забудь. Зря я тебе, что ли, всё это рассказывал?